

ТО И ДЕЛО я просыпался, Гавинет, почуяв что-то, собака, и сразу без промедления за лаем — крик журавля. Мне уже объяснили: рефлекс. Журавль автоматически реагирует на опасность, но, встревожившись, он понимает: опасности нет — гаскнул привычный ему сосед. Хозяин хутора, его жена и детишки к этой «автоматике» звуков привыкли. Привыкла к этому и лиса, живущая возле кучи соломки за сеткой. В риге, где я ночую, спят на жердочках ласточки. Ночные звуки их не тревожат, можно притронувшись к птице, и лишь тогда она встревожится, сделает круг под крышей громадной, как ангар, риги и сядет на жердочку досыпать. Стоит в риге большой аквариум, в котором сплывают угрята. В приоткрытую дверь наведалься ежик, живущий где-то в зарослях по соседству. Возле ножки стола он находит колбасную кожуру и тут же с чавканьем поедает, привлекая внимание обитающих в риге кроликов. Опять лай собаки, и сразу всполошенный крик журавля...

Крепко я засыпаю под утро. А когда продираю глаза, вижу с чердака риги маленький пруд, вижу кинокамеру на треноге возле воды, вижу тербящего ухо в размышлении о чем-то коренастого человека и рядом с ним в гордой позе хозяина территории — журавля.

— Доброе утро, Рейн!
Человек у камеры приветливо машет рукой.

— Что-то уже снимал?
— Да нет, пока примеряюсь...

РЕЙНА Марана я давно уже знаю по фильмам. Планируя передачи «В мире животных», иногда целый день сижу в кинозале, прикидывая, какой фильм, куда, под каким соусом поместить в передаче. Бывает, от экранной скуки начинаешь зевать. Снимать живую природу очень не просто. Часто результатом работы являются лишь пейзажи, лесник, глядящий в бинокль (ученый — в микроскоп), лосадь лесника, ужасок, уползающий в травы, цепочка бегущих оленей, еще пейзажи. И все. К сожалению, это типичный результат киноэкспедиций, когда за дело берется либо халтурщик, желающий «недели три побыть на природе», либо душа наивная — «не боги горшки обжигают», снимаем! Но в этом деле «горшки обжигают» именно боги. В мировом кинематографе их немного — можно в три-четыре строки перечислить всех поименно. Среди них первые — Жак-Ив Кусто, Хейнц Зильман, Бернгард Гржимек, умерший от сердечного приступа, Родригас де ла Фуэнто, погибший при киносъемке. Не первыми, но в этом почетном ряду стоят наши: Юрий Ледин, Вячеслав Белялов, Пятрас Абукавичус, Рейн Маран, Юрий Климов...

Все, кто снимает животных, должны быть готовыми кровью своей кормить комаров, мерзнуть в засидках, не бояться болотной жижи и должны уметь жить в горах, пустынях, во льдах, не бояться морской качки и всяких тягот кочевой жизни. Само собой разумеется: знания повадок животных, особое терпение, высокопрофессиональное владение техникой — событие, которого ждешь неделю, протекает нередко мгновенно, неослабность в эту минуту означает крушение планов и замыслов. Работа натуралиста в кино — это высший пилотаж, на который способны немногие. «Нашим» приходится особенно трудно. Снимают на скверную пленку, техника кое-какая. На студиях их работы значатся в планах последними. Все покрывается энтузиазмом, страстью, терпением. И как не радоваться, когда узнаешь: на международных ярмарках природоохранительных фильмов ленты наших ребят покупаются с ходу, доброе имя автора — лучшая им реклама.

У каждого из названных мастеров свои вкусы, приемы, свой стиль показа природы.

Эстонский кинорежиссер-оператор Рейн МАРАН.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ

Юрий Ледин — странник по северу, Вячеслав Белялов — знаток Казахстана. Много странствуют Юрий Климов и Пятрас Абукавичус. А Рейн Маран — домосед. Сидит на хуторе в окружении детишек, снимает ежей, лягушек, змей, норок, лисиц, ос, пауков. Журавль, кажется, самая крупная из его «кинозвезд».

Легка ли эта работа — снимать на хуторе? Кажется, не тяжелая — в гору с вьюками не идти, со льдины на льдину не прыгать, ночлег под крышей, даже и банька рядом. И рядом — в лесу, на болотах, в лугах — киногерои. Но у мастера «хуторянина» свои особые трудности. Просто показать змею, паука, зайца, лисицу — значит ничего не показать. Эти животные всем знакомы, и в кино они сняты тысячекратно. Но все ли мы знаем о жизни этих наших соседей? Режиссер-оператор Маран своими работами отвечает: нет, не все.

Часто мы даже не подозреваем, как богата и интересна от нашего глаза скрытая жизнь. Мелькнула оса — «полосатая и больно кусает». Это и все, что мы знаем о надоедливом насекомом. А у него эвон какая богатая жизнь! Сорокаминутный фильм смотришь с разинутым ртом — так интересно. Эта жизнь посвященному человеку — натуралисту давно известна. Но как запечатлеть ее тайны, ее подробности, если оса мала, если она непоседлива, если осы бумажный свой дом соорудили в потемках на чердаке, если они не любят, чтобы их беспокоили? Десятки головоломных проблем. И Рейн Маран, принимаясь за дело, должен успешно их

разрешить, подгоняемый любознательностью, творческим честолюбием, финансовым планом студии, сроком, погодой, состоянием духа своих помощников. Слушая его рассказ о съемках, я поражаюсь, как можно было все одолеть и облегченно вздохнуть в просмотровом зале: «Все получилось, и даже пленка не подвела...».

Фильм об осе — лишь один из примеров вторжения с камерой в скрытую, «частную» жизнь животных. Вторжение это — всегда преодоление многих препятствий. Вот, к примеру, свадьбы-турниры ежей. Их не раз наблюдали. Но как их снять, если ежи собираются на турниры лишь ночью? Вспышка света заставляет их разбежаться или свернуться в колючий шар. И все-таки уникальные кадры были Рейном Мараном сняты. Постепенное приучение к свету группы ежей без подавления их свободы и естественной жизни не нарушило механизм, заведенный живой природой десять миллионов лет назад. Турниры ежей состоялись при свете ламп и стрекотании кинокамеры. В зале раздаются аплодисменты, когда на экране десяток колючих рыцарей торопливо и деловито ходят по кругу, отсесывая в сторону слабых и слишком еще молодых. Эти сцены в природе обычны. Но кто их видел? Тайнство жизни показала нам кинокамера.

Открытие тайн — кредо натуралиста Рейна Марана. Выбрав объект и начав готовиться к съемке, он много читает, беседует с учеными, с лесниками, пастухами, крестьянами. Он узнает все известное о животном. Он знает, что

от него ждать, с какой стороны к нему подступиться, не нарушая естества жизни. Часто (почти всегда!) в работе требуются самые неожиданные приспособления, конструкции, дополнения к существующей технике. Если с этим куда-нибудь обращаться, «хуторянин» бы с места не сдвинулся, потому что делать надо все быстро, нестандартно, надежно. Все он делает сам, своими руками, часто тут же, на хуторе, у верстака, у слесарного столика. Иногда ему приходится, как часовщику, пользоваться пинцетом и лупой, даже и микроскопом.

Фильмы Рейна Марана — это зрелище обычно скрытой от нашего глаза жизни. Но это не просто зрелище. Все снятое — достоверно. И либо подтверждает то, что замечено было натуралистами, либо даже что-то новое открывает.

Я говорил с Мараном в момент, когда он еще не остыл от работы над фильмом об осах. «Как удалась близость к жилищу существ агрессивных? Укус десятка шершней может привести к смерти...» Рейн шутит: «Не так страшен черт, как его малютки... Подступаясь к осам, мы постарались изучить их характер и обнаружили: поладить можно. И мы поладили, хотя в жилище свое они проносились мимо моего носа, прильпшего к кинокамере. Никто в природе не расходует силы без крайней нужды. Змеи и осы драгоценный яд берегут. Мы обнаружили: осы при виде всего необычного, неожиданного посылают вперед разведчиц. Надо выдерживать их законное любопытство, не двигаться, не раздражать каким-нибудь запахом.

И тогда, вернувшись к своим, они доложат: «Все в порядке, опасности нет». И действительно, после разведчиц мы по многу дней сидели возле гнезда, и ни одна из ос не пришла в возбуждение».

Таких открытий практика киносъемки дает очень много. «Иногда открытие подправляет, обогащает первоначальный сценарий. Это делает работу увлекательной до страсти — забываешь о сне и еде».

Есть ли предел познаваемого, и все ли доступно глазку кинокамеры? На этот вопрос Рейн Маран ответил мне так: «Пределы запечатления на пленку того, что видит глаза, разумеется, существуют, но современная техника эти пределы отодвигает. Что касается постижения природы глазом и разумом, то тут предел рассмотреть невозможно. На все поколения хватит тайн и загадок. Занавес жизни пока лишь слегка приоткрыт, мы только-только начали постигать ее сложность, взаимосвязи, хитросплетения. Наблюдая природу, осознаешь могущество человека все открыть и понять. Но понимаешь и родство со всем, что дышит рядом с тобой. Все живое так же, как человек, любознательно, способно страдать, радоваться, грустить и любить, все жаждет пищи, солнца, покоя. Среди животных так же, как в человеческом мире, есть герои и трусы, робкие и отважные, добрые и агрессивные. Все это мы еще только-только начинаем узнавать, понимать».

Эти мысли — основа творческих поисков Рейна Марана, человека талантливого и бесконечно трудолюбивого. За двадцать лет работы в кино он сделал около двадцати фильмов. На студии в Таллине я попросил их мне показать. Смотрел семь часов непрерывно и не заметил, как пролетело время, — так интересен творческий мир эстонского «хуторянина».

ХУТОР Ланстагузе (Заборье) — база, где работает Рейн Маран. Тут нет телефона (мастер не любит, чтобы от работы его отрывали), зато из леса может пожаловать в гости, например, рысь, и обычное дело — визиты зайцев, ежей, куниц. Летом, когда день долгодневен, на хуторе не бывает «света удобен для съемки с 6 утра до 12 ночи», — и Рейн непрерывно работает, оставляя для сна лишь 5-6 часов.

Я оказался на хуторе в непогоду, съемки остановились, и мы с Рейном вечерами под шум дождя могли спокойно посидеть у огня. Говорили о работе, о возможности счастья, об удачах и неудачах, о том, что значит в человеческой жизни природа, близость к ней, понимание ее красоты и законов.

Путь Рейна на этот хутор был долгим и непростым. Не по своей воле побывал он в Сибири, служил в авиации, учился в военной школе, учился потом в политехническом институте, во ВГИКе. Снимал поначалу игровые картины. «Свечной в руке на этом пути была для меня фотография. Я люблю ее с детства. Она привела меня в кино, а тут уже было рукой подать и до хутора, до этих вот ласточек, ежей, зайцев, уланов, пауков».

В летних сумерках мы зашли в загон к журавлю. Голенастая птица осталась на хуторе после съемок фильма о журавлях. Сорodичи хуторянина весной и осенью пролетают в этих местах. Он же лишь отзывается на привычные крики. «А в чаще, за прудом, тсс...» — Рейн подносит палец к губам, — подрастает, взрослеет рысь. Она пока знает только меня, и сохранила повадки вольного зверя. Я за ней наблюдаю. Иногда с кинокамерой, иногда просто так. Недавно из леса и неведомо наведалься дикий жених. Я следил за ним, не шевелясь, не посмев включить камеру. Надеюсь он снова сюда придет...»

За нашим ужином в риге наблюдали сидевшие на шестах ласточки. А ночью, отвечая на лай собаки, кричал журавль.

В. ПЕСКОВ.

Фото автора.